

МОНЕТЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ*Р.А.Рабинович***ДИРХЕМЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДОВЫ:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ****R.A. Rabinovich. Dirhams on the Territory of Moldova: Cultural and Historical Context.**

The article treats the problem of origin of the dirhams in Moldova in the early Middle Age. The author considers that the origin of the Kufic coins in the lands between the Carpathians and Dniester is not connected, as it is believed by other researchers, with this territory joining Kiev Russia in 30s of X century. The cultural and historical context of dirhams in Moldova is exclusively connected with the sites of a peculiar material culture of ring-like settlements of Echimauti-Alcedar type. A foreign and having no roots in this region culture probably belonged to a population, which had migrated here from the Balkans not later than the end of IX century, the "Tivertsy" of the chronicles. The dirhams were brought to Moldova by the Dniester, an important component of the so-called second route "from the Varangians to the Greeks" (the Black Sea – Dniester – Upper Western Boog – Wistula – Baltic Sea), which connected lands between the Carpathians and Dniester with Northern and Western Europe. Dirhams were not used in Moldova as means of circulation and payment. They were brought here as raw material for the local jewelry manufacture of silver embossed decorations, for example, earrings of "C" type (typology of "Wolyn" earrings by S.S. Ryabtseva). Partly, the manufactured decorations were sent to the North by the same route, towards Southern coast of the Baltic Sea, which is illustrated by concentration of "C" type earrings in the treasures of "broken silver" found in the basin of Wistula. It is likely, that the dirhams were brought to Moldova from this very territory, in other words, the raw material was exchanged for the ready-made products. Probably, the Kiev princes extending their power over the Dniester territory, the existing order of the dirham import was changed, which negatively influenced upon import of the Eastern silver coins in this region.

Видимо, только малочисленностью данной группы монетных находок на территории Молдовы по сравнению с другими группами монет

можно объяснить слабый интерес специалистов к находкам дирхемов в регионе. Вначале напомним, о каких находках идет речь.

Состав и ареал куфических монет в Молдове

Западнее Прута, в Румынской Молдове известны находки 9 дирхемов. Две монеты Марвана II (745—750) — случайные находки в Босия-Яшь. Семь дирхемов — один ал-Мансура (754—775), один ал-Махди (775—785) и пять Гарун аль-Рашида (786—809) — содержатся в богатом монетно-вещевом кладе Рэдукэнь. Д.Теодор датировал клад последней четвертью IX—первыми двумя десятилетиями X в. на основании приведенных аналогий ювелирных украшений в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе (Teodor 1980: 404-423).

В междуречье Прута и Днестра известны находки 21 экземпляра куфических монет — 20 дирхемов и 1 фельс, представленных 9 оригинальными саманидскими монетами и 12 подражаниями. Они найдены на городищах Екимауцы и Алчедар, на северо-востоке со-

временной Республики Молдова. На городище Екимауцы найдены 19 серебряных саманидских дирхемов или подражаний им: четыре Исмаила ибн Ахмада (892—907 гг.); два Ахмада ибн Исмаила (907—914); тринадцать Насра ибн Ахмада (914—943). Большинство дирхемов (16 из 19) имеют два круглых отверстия. Они найдены во всех горизонтах культурного слоя, но сведений о находках в сооружениях нет. На городище Алчедар также обнаружены две куфические монеты с двумя отверстиями каждая: в пласте 5 раскопа 24 — фельс Наср ибн Ахмада и в колодце No 1 (пл. 11, яма 129) — подражание саманидскому дирхему, отчеканенное в Волжской Булгарии Абдуллах ибн Микаилом в середине X в. (Федоров 1952: 255; Федоров 1953: 110; Федоров 1968: 86; Нудельман 1976: 17—18, 89—90; Нудельман 1985: 85—86; Равдина 1988: 67).

Интерпретации

Румынские исследователи, в частности Д.Теодор, рассматривают находки дирхемов в

Западной (Румынской) Молдове как некий достаточный случайный эпизод в монетном обра-

щении на территории региона. Обращение дирхемов, по его мнению, характерно для славянского мира, а восток Румынии в этот период находился в зоне воздействия византийской монетной системы. Никак он не связывает находки дирхемов в Рэдукэненъ и с находками куфических монет в Поднестровье — в Екимауцах и Алчедаре (Teodor 1978: 80).

Интерпретации русскоязычных исследователей по поводу находок дирхемов на городищах Екимауцы и Алчедар носили более пространственный характер. Идентифицированные С.А.Яниной, эти находки нашли отражение в работах исследователей, проводивших раскопки в Екимауцах и Алчедаре — Г.Б.Федорова и Т.В.Равдиной, авторов специальных нумизматических работ В.В.Кропоткина, А.А.Нудельмана и С.Н.Травкина (Федоров 1953, 1968; Равдина 1988; Нудельман 1976, 1985; Травкин 1995).

Г.Б.Федорова и Т.В.Равдину находки дирхемов интересовали только в плане возможности определения датировки городищ Екимауцы и Алчедара. Например, на основании находок екимауцких дирхемов Г.Б.Федоров полагал возможным определить нижнюю дату существования городища — конец IX в., а верхнюю — середина XI в. (Федоров 1953: 110). Разумеется, на основании найденных на Екимауцах и Алчедаре дирхемов нельзя определить ни нижнюю, ни верхнюю даты существования этих памятников. Они дают основание считать, что городища функционировали в 40-х—50-х гг. X в., но не более того.

Вопрос о времени проникновения в междуречье Прута и Днестра куфических монет несколько заслонил вопрос их происхождения в этом регионе. Г.Б.Федоров полагал, что куфические монеты проникли в славянские центры Поднестровья через Киев или другие крупные города Древней Руси и связывал их появление с установлением прочной власти киевского князя над регионом. Правда, в одной из своих последних работ исследователь предположил также, что «находка в Екимауцах и Алчедаре серебряных саманидских дирхемов и подражаний этим монетам определяет еще одно направление культурных и торговых связей — восток, Волжская Болгария» (ДКМ 1974: 124). Тем не менее, появление дирхемов в Пруто-Днестровье на городищах Екимауцы и Алчедар, как и появление самих городищ, Г.Б.Федоров связывал исключительно с периодом вхождения последнего в состав Киевской Руси.

При составлении восьмого, нумизматического, выпуска Археологической карты Молдавии (1976 г.) к интерпретации находок дирхемов в регионе обратился А.А.Нудельман. В этой работе исследователь отмечает, что куфические серебряные монеты имели с конца первой четверти X в. в Среднем Поднестровье весьма незначительное хождение. Саманидские дирхемы «по-видимому, могли попасть в славянские

центры Поднестровья через Киев или другие крупные центры Древней Руси, куда они попали из Булгара, вследствие экономических связей последнего со Средней Азией». А.А.Нудельман особо отмечает появление подражательной чеканки куфическим дирхемам в Поднестровье: «Очевидно, что подобные имитации куфическим дирхемам попали в Алчедар и Екимауцы не ранее конца X в., пройдя путь из Волжской Булгарии (где их изготовляли) в Киев, откуда впоследствии направлялись в Поднестровье» (Нудельман 1976: 17—18).

Однако в более поздней работе — монографии 1985 г. А.А.Нудельман пересмотрел, специально не акцентируя на этом внимание, свою точку зрения на хронологию обращения куфических монет в Пруто-Днестровье. «Время прихода куфической монеты в Поднестровье, — пишет исследователь, — можно отнести ко второй половине первого десятилетия X в. — началу последней трети X в.» (Нудельман 1985: 87).

Чем был вызван подобный пересмотр? Автор его никак не объясняет, но мы возьмем на себя смелость возможного объяснения по данному поводу. М.Ф.Котляр отметил появление в середине X в. трех кладов куфических монет на территории соседнего с Пруто-Днестровьем Подолья (IV период обращения куфических монет на территории Восточной Европы по В.Л.Янину и Н.Ф.Котляру, с 939 г. по конец X в.) (Котляр 1971: 25). Более ранних находок дирхемов на территории Подолья нет. Вполне логично А.А.Нудельман пришел к вероятности «гипотезы о проникновении куфических монет в X в. в славянские центры Поднестровья, равно как и другие пункты Днестровско-Карпатского региона из района Подолья, с которыми указанные области не только соседствовали, но и поддерживали на протяжении многих столетий определенные связи» (Нудельман 1985: 88). К сожалению, автор высказался об этих «определенных связях» очень неопределенно. Тем не менее, «подольская» гипотеза позволила А.А.Нудельману, с одной стороны, подтвердить правоту высказанного Г.Б.Федоровым (1953) мнения о том, что наиболее вероятным представляется проникновение куфических монет в Поднестровье из сопредельных центров Древней Руси, а с другой, признать неубедительным выше цитировавшееся мнение этого же автора (ДКМ 1974: 124) о связях древнерусского населения Пруто-Днестровья с Волжской Болгарией (Нудельман 1985: 88). На том же основании А.А.Нудельман признал недостаточно убедительным и мнение В.В.Кропоткина об установлении в X в. торговых связей Поднестровья с Хазарским каганатом и Волжской Болгарией¹ (Нудельман 1985: 85,88)

¹В.В.Кропоткин обратил внимание на находку болгарского подражания саманидскому дирхему с именем Абдуллаха ибн Микаила на Алчедарском городище. Болгарские дирхемы - чрезвычайно ред-

Несмотря на появление в более поздних работах «подольской» версии проникновения дирхемов на территорию Пруто-Днестровья и «корректировки хронологии», главный момент в интерпретации А.А.Нудельмана остался неизменным: связь ограниченного хождения куфических монет в Поднестровье с возникновением здесь древнерусских центров, поддерживавших экономические контакты с сопредельным восточнославянским миром. (Нудельман 1985: 89).

И последнее по времени обращение к данной теме, предпринятое С.Н.Травкиным, также связывает появление дирхемов в Екимауцах и Алчедаре с Киевским государством. По С.Н.Травкину, в период 900—976 гг. юг Прутско-Днестровского междуречья входил в ареал обращения византийских монет, северо-восток

края относился к лесостепному ареалу, где преобладали куфические дирхемы. Большая доля пробитых экземпляров (в том числе и 6 из 9 византийских) заставляет его сомневаться в том, что монеты в этот период использовались в качестве средств обращения и платежа. Приток дирхемов в Поднестровье С.Н.Травкин связывает с экспансией Киевской Руси на эти земли. (Травкин 1995: 10—16).

Таковы интерпретации авторов по поводу находок дирхемов в Молдове.

В лагере исследователей вопроса, как мы видим, определилось завидное единство: так или иначе, они связывают появление дирхемов в Пруто-Днестровье и (а некоторые и в целом, в Молдове) с распространением на эту территорию власти Киевского княжества.

Возможность альтернативной гипотезы

Но нельзя ли усомниться в том, что появление дирхемов в Молдове, их происхождение в этом регионе, связано с вхождением региона в состав Киевской Руси? Что противоречит или плохо согласуется с этим утверждением?

1. Чрезвычайно интересен сам факт находки дирхемов на памятниках типа Екимауцы—Алчедар. Это один из пунктов наибольшей концентрации единичных находок этих монет в Восточной Европе, но не обнаружено ни одного клада, ни на этих практически полностью исследованных городищах, ни вблизи их, ни вообще на территории Пруто-Днестровья. Странно, что Екимауцкое городище, погибшее в результате вражеского нападения и штурма, «сохранившее» для археологов массу ценных изделий, в том числе и из серебра, «не дало» ни одного невостробованного хозяевами клада. Мнение исследователей довольно единодушно: культура древнерусских городищ прекратила существование из-за внешней угрозы (как правило, называются кочевники). Возникает предположение, что характер обращения куфических монет в Поднестровье отличался от характера обращения дирхемов в других регионах Киевской Руси.

2. Дирхемы найдены только на так называемых кольцевых городищах по Днестру.

Их нет даже на соседних, огромных, мощных в военном, стратегическом отношении мысовых городищах типа Глинжены II, не говоря уже о памятниках на всем ареале древнерусской культуры в Молдове, на всей территории, подвластной Киеву. Нет ни в виде кладов, ни в виде единичных находок на поселениях или могильниках, ни в виде случайных находок, сде-

ланных в условиях, лишенных какого-либо археологического контекста.

3. Следующий немаловажный момент — исследователи игнорируют находки более ранних дирхемов в запрутской румынской части Молдовы (клад Рэдукэнь) и связь этих находок с дирхемами Екимауц и Алчедара. Игнорирование это не случайно. Трудно объяснить происхождение Рэдукэненского клада с его датой позднейших дирхемов 809 г. экспансией Киевского государства на поднестровские земли, происходившей позднее на 100 с лишним лет. Появление клада Рэдукэнь сложно связать и с «подольской версией» А.А.Нудельмана. Подольские клады по своей хронологии соответствуют единичным находкам на Екимауцах и Алчедаре, но резко расходятся с хронологией клада Рэдукэнь. Клады восточного монетного серебра VIII—IX вв. достаточно редки в западной и юго-западной части Восточной Европы. Ближайшие для Рэдукэнь оказываются только в Крыму и в междуречье Припяти, Буга и Вислы (Древняя Русь 1985: 401, табл. 161; Фомин 1993: 78)²

4. Простая ли случайность, что дата поздних «молдавских» дирхемов (40-е гг. X в.) почему-то совпадает по времени с наиболее вероятным периодом вхождения этих земель в состав Киевской Руси, после чего они больше сюда не поступают.

Последний пункт нуждается в пояснении. Вопрос о появлении дирхемов в Екимауцах и Алчедаре исследователями тесно увязывается с возникновением древнерусской культуры в Поднестровье, сопровождаемом появлением в регионе городищ, в том числе и кольцевых

кие находки в южных районах Древней Руси, и В.В.Кропоткин предположил наличие прямых связей Поднестровья с востоком, минуя Киев (см. Нудельман 1985: 85, 88).

² Как будет показано ниже, возможно существует связь между кладом Рэдукэнь, единичными находками дирхемов в Екимауцах и Алчедаре и кладами в бассейне Вислы.

городищ типа Екимауцы-Алчедар. По общепринятому мнению, в VIII—IX вв. северную и центральную часть Пруто-Днестровья занимали древности культуры Луки-Райковецкой, представленные только неукрепленными поселениями. В конце IX — начале X в., после покорения летописных тиверцев и уличей киевскими князьями, древности типа Луки-Райковецкой трансформируются в древнерусскую культуру. В этот период и возникают городища (мысовые и кольцевые) — своеобразные протогорода, центры ремесла и торговли. Цитадели городищ — место обитания ремесленников высококвалифицированных специальностей — оружейников, ювелиров и т.д., обслуживающих социальную верхушку общества. (Федоров 1953; 1968; Федоров, Чеботаренко 1974)

Однако недавнее исследование, предпринятое автором данной работы, не позволяет смотреть на т.н. «древнерусскую культуру Поднестровья» — как на прямолинейную и непосредственную эволюцию культуры Луки-Райковецкой, ускоренную и усиленную вхождением региона в государственную территорию Киевской Руси. Материальная культура северной и центральной части Пруто-Днестровья в X в., называемая исследователями «древнерусской», не представляет собой нечто монолитное в плане происхождения. Часть памятников, представленных неукрепленными поселениями и сложно-мысовыми городищами типа Глинжены II, действительно демонстрируют результат развития местных древностей типа

Луки-Райковецкой. Другая часть памятников, известная по древностям кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар, представляет собой, по моему мнению, пришлую культуру в регионе. Культура кольцевых городищ Екимауцы-Алчедар характеризуется гораздо большей яркостью, репрезентативностью культурных элементов по сравнению с местной, но, главное, она характеризуется специфическими, не характерными ранее для этого района фортификацией, домостроительством, керамическим комплексом, вещевым инвентарем и обрядом захоронения. Кольцевые городища не имеют подстилающего культурного слоя типа Луки-Райковецкой, нет сельской округи, по отношению к которой могли бы выступать центрами кольцевые городища. Я предполагаю, что культура типа Екимауцы-Алчедар была пришлой в этом регионе, и ее появление связано с притоком нового населения — возможно, летописных тиверцев (Рабинович 1997: 10—16).

Дирхемы найдены только на кольцевых городищах — Екимауцы и Алчедар. Само возникновение этих городищ их исследователи связывают с «вхождением в Русь», а хронология найденных на них дирхемов часто выступает основанием хронологии существования самих городищ, причем в определении и нижней и верхней дат. Поэтому мы позволим себе краткие отвлечения от главной темы, в которых коснемся таких вопросов, как: датировка группы памятников типа Екимауцы-Алчедар; время подчинения Карпато-Днестровских земель Киевской Руси.

А. Датировка группы памятников типа Екимауцы-Алчедар

Проблема датировки группы памятников типа Екимауцы-Алчедар в силу своей важности для реконструкции культурно—исторических процессов в Карпато-Поднестровье в ранне-средневековую эпоху, конечно же, заслуживает отдельной самостоятельной работы. Здесь же я кратко изложу свою точку зрения на эту проблему.

Датировка памятников типа Екимауцы-Алчедар пользовалась значительно меньшим вниманием исследователей, чем датировка синхронных древностей других культурно-хронологических групп в регионе (памятник балкано-дунайской культуры, памятники типа Ханска, памятники типа Петруха-Лукашевка). После работ Г.Б.Федорова к этому вопросу обра-

щалась Т.В.Равдина, выпустив сенсационную статью о датировке городища Алчедар (Равдина 1988).

Во многих работах Г.Б.Федоров определял хронологические границы существования кольцевых городищ Екимауцы и Алчедар следующим образом: начало существования городищ — конец IX в.; прекращение жизни на них — середина XI в. (Екимауцы) и середина или вторая половина XII в. (Алчедар, Лукашевка, Рудь) (Федоров, Чеботаренко 1974: 75—98). Т.В.Равдина определила время существования городищ Алчедар и Екимауцы — несколько десятилетий до середины 60-х гг. X в. (Равдина 1988: 67). Рассмотрим, какие основания существуют для датировки этих памятников.

А.1. Нумизматические материалы

На основании находок екимауцких дирхемов Г.Б.Федоров полагал возможным определить нижнюю дату существования городища концом IX в., а верхнюю — серединой XI в. (Федоров 1953: 110). Как уже было замечено, они дают основание считать, что памятники существовали в 40-х—50-х гг X в.

Необходимо сказать еще об одной монетной находке, имеющей отношение к затрагиваемой проблеме. Это находка на поселении Алчедар медной византийской монеты — фоллиса достоинством 40 нуммий императора Ираклия (610—641), перечеканенной из фоллиса императора Фоки (602—610). Монета найдена

в слое, содержащем, по заявлению Г.Б.Федорова, лепную керамику и уходящем под насыпь вала городища (Федоров 1964: 81). Находка этой монеты, наряду с лепной керамикой, служили основанием для Г.Б.Федорова считать, что догородищенский период Алчедарского поселения продолжался с VI до конца IX — начала X вв.

Находки византийских монет указанной эмиссии чрезвычайно редки на территории Карпато-Поднепровья. Известна лишь еще одна подобная находка на поселении Лопатна, но и там ее стратиграфические условия неясны: она найдена в выбросе (Федоров 1960: 287). Если до 602 г. изучаемый регион входил в зону интенсивного обращения и интенсивного обновления византийских монет, то после указанного времени поступление византийской монеты прекратилось (Нудельман 1985:115—

116; Травкин 1995: 10). Исследователи справедливо отмечают, что византийская монета перестала поступать в районы к северу от Дуная после прихода орды Аспаруха на Нижний Дунай, когда в Карпато-Поднепровье наступил, по сути, безмонетный период (Нудельман 1985: 116). Немногочисленные находки могут быть отнесены только за счет случайного проникновения монет. Однако уже в предшествующий период Аспаруха период, начиная с 602 г., явно наметилась тенденция к кризису монетного обращения в регионе, к нерегулярности новых монетных поступлений. И для византийских монет VI в., и для монет 602—685 гг. период анахронического обращения в регионе определен С.Н.Травкиным VIII—IX вв. (Травкин 1995: 10). Таким образом, византийская монета VII в., найденная в Алчедаре, никоим образом не может удривнять догородищенский период до VII в.³

А. 2. Вещевой материал

Вещевой материал с поселений Екимауцы и Алчедар, довольно многочисленный и разнообразный, датирует время существования данных поселений X в. Эта дата неоспорима. Возражения вызывает, в частности у Т.В.Равдиной, нижняя и верхняя даты, определяемые Г.Б.Федоровым. Поэтому обратим внимание именно на те вещи, которые дают возможность датировать верхнюю и нижнюю хронологические границы этих памятников.

Дата — конец IX в.—начало X в. предлагалась Г.Б.Федоровым, исходя из находок дирхемов, алчедарской шпоры, шейной серебряной гривны, архаической медной лунницы, глазчатых полихромных пастовых бус и др. предметов (Федоров 1953: 110). На мой взгляд, как о нижней дате можно говорить не о конце IX в., но, как минимум, о середине IX в. Практически все предметы из Екимауц и Алчедара исследователи датируют, ссылаясь на аналогии этим вещам на территории Древней Руси, не учитывая, что многие из них на территориях к западу от Карпато-Поднепровья начинают бытовать раньше, и соответственно поступать эти вещи могли в исследуемый регион именно оттуда.

Шпора каролингского типа, найденная на Алчедаре (Федоров 1960: 284—285), датируется А.Н.Кирпичниковым IX в., но могла, по его мнению, относиться и к докаролингским формам (Кирпичников 1973: 57), что еще более удривняет эту находку.

Серебряная шейная гривна из гладкого толстого дрота, с замком в двойную петлю с усами, украшенная сканью, при публикации датировалась Г.Б.Федоровым IX—X вв. (Федоров 1960а: 39, рис.18). Т.В.Равдина, ссылаясь на аналогичную находку в Юрковецком кладе, также датирует алчедарскую гривну X в. (Равдина 1988: 56). Но, например, заслуживает внимание тот факт, что многочисленные аналогии

гривнам данного типа в Северной Европе датируются IX в. и даже более ранним временем (Фехнер 1967: 75—76). Однако на то, что алчедарская гривна может быть датирована IX в. указывают гораздо более близкие территориально аналогии в Венгрии, Трансильвании и непосредственно на территории Молдовы—находка в кладе Рэдукэнь (Horedt 1958: 139, fig.28; Teodor 1980: 413, fig.6,1). Как мы уже отмечали, Д.Теодор датировал клад последней четвертью IX — первыми двумя десятилетиями X в., исходя из приведенных аналогий украшений клада, причем именно из Восточной Европы (русских кладов 2 группы по Г.Ф.Корзухиной). Младший дирхем в кладе Рэдукэнь дает дату после 809 г. Рэдукэньский клад по подбору предметов полностью тождествен набору стилистически единых украшений на Екимауцах и Алчедаре. Но на этих памятниках мы видим сплошную серию дирхемов, принадлежащих трем правителям, следующим один за другим, охватывающих период с 892 по 943 гг. Это косвенным образом свидетельствует о том, что Рэдукэньский клад был зарыт до поступления в регион новой серии дирхемов 892-907 гг. чеканки. Таким образом, есть основания для датировки Рэдукэньского клада и более ранним временем, чем последняя четверть IX в. Так же датируется и гривна из состава это-

³ В соответствии с нашей интерпретацией древностей типа Екимауцы-Алчедар как принадлежащих летописным тиверцам — недавним мигрантам с Западных Балкан (Тервунии письменных источников) (Рабинович 1997), «неожиданное» появление двух указанных монет в нашем регионе может быть объяснено следующим образом. Тервуняне-тиверцы «прихватили» их с собой из региона, в котором интенсивное монетное обращение во время миграции засвидетельствовано и нумизматическими, и письменными источниками.

го клада. Учитывая территориальную близость Рэдукэнень и Алчедара и аналогичность по составу украшений, можно предположить, что алчедарская гривна также может относиться к IX в.

Медная лунница с язычком, форма которой, по мнению Г.Б.Федорова, архаична и характерна для времени до X в. (Федоров 1953: 110). Эта находка возможно восходит к широко известным для римского и раннесредневекового времени трехгогим лунницам (Каргопольцев, Бажан 1993).

Калачевидные кресала с язычком — многочисленная категория находок на кольцевых городищах, имеет широкий период бытования в Восточной Европе — до 1175—1177 гг. в Новгороде (Колчин 1982: 163; Лесман 1984: 138). В Новгороде они появляются с X в., к западу от Карпато-Поднестровья на Среднем Дунае они встречаются в IX в. (Koš 1963: 248, pl.LIV, 8; 252, pl.LVI, 9; 271, pl.LVIII, 1; Hruby 1955: 119, obr.14,3,7). Но и на Северо-Западе Руси калачевидные кресала с язычком, возможно, появляются в IX в. В хронологической системе Юго-Восточного Приладожья О.И.Богуславского, основанной на встречаемости типов вещей в погребальных комплексах, калачевидные кресала с язычком появляются в период «D1» (890-е—920-е гг.) (Богуславский 1991).

Серебряные тисненные изделия с зернью и наиболее важный их составляющий компонент на памятниках типа Екимауцы — височные кольца или серьги типа I,1 (по Е.Ю.Новиковой) или типа «С» (по типологии «волынских» серег С.С.Рябцевой) (Новикова 1990; Рабинович, Рябцева 1997; Рябцева 1999). Г.Б.Федоров относил их появление в Карпато-Поднестровье к X в., исходя из датировки второй группы Русских кладов (по Г.Ф.Корзухиной), где встречаются украшения подобного типа. По-видимому, он не знал о существовании Рэдукэненского клада и массивов височных колец этого типа на Балканах и в Польше. Рэдукэненский клад содержит полный репрезентативный набор тисненных украшений и серег Екимауцкого типа и дает дату, определяемую поздними дирхемами — после 809 г. и, как мы уже говорили, предположительно до 892—907 гг. Датировки височных колец Екимауцкого типа (типы I,1 по Е.Ю.Новиковой и «С» С.С.Рябцевой) на Среднем Дунае и Балканах — разброс мнений: от середины VIII до середины X вв. (Hruby 1955: 229; Jugić 1986: 263—264; Рабинович, Рябцева 1997; Рябцева 1999). В Польше височные кольца интересующего нас типа встречаются в кладах, датированных от середины IX до середины XI вв. (Koška—Krenz 1993: 83—84). У нас нет оснований сомневаться, что серебряные тисненные изделия с зернью и, в частности, височные кольца екимауцкого типа начали появляться в Карпато-Днестровских землях намного позднее конца IX в.

Различные виды оружия, найденные на Екимауцах и Алчедаре, представлены древнейшими на территории Восточной Европы типами, и в большинстве случаев они могут с большой вероятностью относиться ко времени ранее X в. На Екимауцах и Алчедаре присутствуют три типа наконечников стрел (38, 39, 56 по А.Ф.Медведеву), период бытования которых начинается не позднее начала VIII в., и, что особенно важно, заканчивается в IX в. На период VIII—IX вв. приходится начало использования еще 20 типов (типы 2; 8.1; 42; 44; 45; 48; 53; 55; 57; 60.2; 61; 63; 71; 78.1; 82; 97.1; 99; костяные подражания железным наконечникам типов 40; 41; 46) (Медведев 1966). Найденное в Екимауцах перекрестье сабли (тип IA по А.Н.Кирпичникову), датированное Г.Б.Федоровым X — началом XI вв. (Федоров, Чеботаренко 1974: 90—92; Кирпичников 1966: 94—95), относится ко времени раньше начала X в.⁴

Можно привести аргументы в пользу датировки не позднее IX в. и наконечников копий типов IIIA и V (по А.Н.Кирпичникову) и боевых топоров I, II, III типов (по А.Н.Кирпичникову), найденных на Екимауцах (Кирпичников 1966а)⁵.

Несколько слов о верхней дате существования кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар исходя из хронологии вещевого материала. Этот вопрос имеет значение для раскрытия нашей темы. Ведь на этих памятниках нет дирхемов позднее середины X в. Т.В.Равдина ограничивает время существования Алчедара серединой 60-х гг. X в. и пишет, что на

⁴ В Екимауцах были найдены перекрестье и навершие сабли. Условия находки точно не известны: или из слоя городища, или из шурфа, сделанного И.М.Самойловским на валу. Тип перекрестья — IA, тип навершия — I (по А.Н.Кирпичникову). А.Н.Кирпичников предполагает, что перекрестье и навершие от двух разных экземпляров (Кирпичников 1966: 94—95). Близкое по типу перекрестье сабли, прямое с шарообразными увенчаниями на концах, найдено на городище Фунду Херций в Запрутской Молдове (Petrescu-Dîmbovița, Teodor 1987: 36, 53, fig.33/7). Впервые появившись в VIII-IX вв. в евразийских степях, на Руси сабли распространяются с X в., но уже в X в. перекрестья этого типа, восходящие к аварским прототипам, здесь вытесняются другими формами (Кирпичников 1966: 68). Поэтому можно предположить, что перекрестье сабли из Екимауц, также как и перекрестье из Фунду Херций, относится ко времени ранее X в. Аргумент: перекрестье из Фунду Херций найдено в комплексе (жилище 5) с керамикой исключительно лепной, принадлежащем горизонту типа Хлинча I (Луки Райковецкой) (Petrescu-Dîmbovița, Teodor 1987: 36).

⁵ а) Копья. На Екимауцах найдены копьё двух типов по типологии А.Н.Кирпичникова: типов IIIA и V (Кирпичников 1966а: 76—77; Федоров 1953: 109). А.Н.Кирпичников отнес эти находки к X — началу XI вв. исходя из контекста общей датировки городища Екимауцы Г.Б.Федоровым. В Карпато-Днестровских землях копьё типа IIIA, кроме Екимауц, найдены на

городище Алчедар не найдено ни одного предмета XI—XII вв. (Равдина 1988: 65, 67). С этим мнением нельзя согласиться хотя бы потому, что и на Екимауцах и Алчедаре известны вещи, период бытования которых начинается позднее указанного времени. Г.Б.Федоров приводит перечень таких предметов: шиферные пряслица, имеющие диаметр отверстия 0,8 см — Рудь; кресала овально-удлиненной формы — Лукашевка, Рудь и Алчедар (Федоров 1974; Федоров, Чеботаренко

1974: 85; Равдина 1988: 55); обломок цилиндрического замка с поперечной ключевой щелью (тип Б по классификации Б.А.Колчина) — Екимауцы, р. XXXVIII, пл.6, бровка (Федоров 1974). Б.А.Колчин датирует их появление в новгородских слоях с начала XII в., Ю.М.Лесман — с 1055 г. (Колчин 1982: 162, рис.3; Лесман 1984: 138). На кольцевых городищах Екимауцы, Алчедар и Пояна присутствуют 41 тип и на Алчедаре 83 тип наконечников стрел (по А.Ф.Медведеву), распространенных с XI в.

А.3. Керамика

Эта категория находок чрезвычайно важна для датировки кольцевых городищ, особенно ее нижней хронологической границы. Именно присутствие лепной керамики на городищах Екимауцы и Алчедар давало основание Г.Б.Федорову связывать догородищенский период на этих поселениях с местным населением VI-IX вв. Сенсационным стало заявление Т.В.Равдиной, обработавшей коллекцию керамики с Алчедара: «При датировке городища исключается IX в., поскольку отсутствует лепная славянская керамика и уже нет грубой раннекрупной керамики» (Равдина 1988: 63). На самом крупном, основном раскопе № 29 на Алчедарском городище обнаружено 125 фрагментов лепной посуды: один из них — трипольский, а 124, по заключению А.И.Мелюковой, относятся к эпохе фракийского гальштата (Равдина 1988: 57).

Рассмотрим ситуацию на двух самых важных кольцевых городищах — Екимауцы и Алчедар. Нужно принять во внимание, что и время основания городищ и весь комплекс вещевого инвентаря и керамики всеми без исключения

исследователями признается полностью тождественным (Федоров 1960: 182; Равдина 1988: 66).

На Екимауцах найдено около 40 тыс. фрагментов керамики. Из них к керамике, которая, судя по описанию, может быть принята за лепную славянскую (типа Корчак? типа Луки-Райковецкой?), отнесено автором раскопок всего 10 фрагментов. И лепной, и раннегончарной керамики на Екимауцах найдено 70 фрагментов. Г.Б.Федоров пишет: «Оба вида этой керамики найдены только в нижнем горизонте культурного слоя, под основным слоем X—XI вв., но и в нижнем горизонте они не составляют сколько-нибудь заметной части керамического комплекса. Керамика обоих типов вместе взятая составляет не свыше одной сотой процента всей керамики городища» (Федоров 1960: 181, 280). Считать, что городище Екимауцы «выросло» из предшествующего поселения культуры типа Луки-Райковецкой VIII-IX вв., нет никаких оснований. Также полагал и И.И.Ляпушкин (Ляпушкин 1968: 34). Однако присутствие, хотя бы и в столь небольшом количестве, лепной и раннегончарной керамики типа Луки-Райко-

поселениях Фунду Херций, Тудора и Кирчешть. Копья этой группы в средневековой Европе распространены повсеместно с VIII в. На территории Руси они представлены с IX в., но есть экземпляры, относящиеся и к VIII в. В X в. подавляющее большинство наконечников этого типа на территории Руси локализуется в восточных районах и редко связаны со славянским населением (Кирпичников 1966а: 12—13). Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что копьё типа IIIA на Екимауцах относятся к периоду ранее X в. Например, два подобных наконечника на городище Фунду Херций найдены поблизости от одного из валов и связаны с самым ранним горизонтом существования памятника, то есть относятся ко времени VIII—IX вв. С горизонтом VII—IX вв. связывает Д.Теодор и наконечники копий IIIA (по А.Н.Кирпичникову) на поселениях Тудора и Кирчешть (Petrescu-Dîmbovița, Teodor 1987: 53; Teodor 1978: 77, fig.31, 12, 14). Более ранним временем можно датировать и наконечники копий типа V (по А.Н.Кирпичникову), найденные в большом количестве в Екимауцах (Федоров 1953: 109; Кирпичников 1966а: 76—77). На территории Восточной Европы они появляются в VIII в. и более всего характерны для районов пограничья со степью (Кирпичников 1966а: 15—16).

б) Боевые топоры. На Екимауцах найдены боевые топоры, относящиеся к I, II, III типам (по А.Н.Кирпичникову) — чеканам, специальным боевым топорам с молотовидным обухом. Подобные найдены и на поселениях в Запрутской Молдове (Федоров 1953: 108; Кирпичников 1966а: 41, 104—108; Teodor 1978: 189; Spinei 1985: 182—183; idem 1986: 228). А.Н.Кирпичников датировал данные топоры из Екимауц, исходя из общего хронологического контекста существования городища по Г.Б.Федорову. На Руси они действительно получили широкое распространение только с X в. Однако чеканы уже в VIII—IX вв. были широко распространены от Прикамья до Нижнего и Среднего Подунавья. Исследователи не сомневаются в восточном происхождении чеканов, и если на основную территорию Руси чеканы действительно могли попасть, будучи заимствованными от кочевников с юго-востока (Поволжье, Каспий), то на территории Карпато-Поднестровья они явно появились ранее X в. На поселениях Хангу-Нямц, Нэнешть-Бакэу, Федешть, Арбора топоры I типа (по А.Н.Кирпичникову) и найденный на поселении Тэвэдэрешть-Бакэу топор II типа (по А.Н.Кирпичникову) относятся румынскими исследователями к горизонту VII-IX вв. (Teodor 1978: 189).

вецкой в нижних слоях Екимауцкого городища может служить хронологическим индикатором времени появления населения, его создавшего — не позднее IX в.

Ситуация с анализом керамического комплекса Алчедарского городища не столь ясная, как на Екимауцах. Она осложнена тем, что городище частью своей площади перекрыло небольшие по площади поселения скифского, черняховского и раннеславянского времени — Алчедар III. Раннеславянское селище занимает площадь 250x60 м, черняховское на этом же месте занимает площадь 30x200 м. (Федоров 1960а: 262, 281, 370, табл.64). Стратиграфия поселения Алчедар III оказалась нарушенной из-за возведения земляных валов городища, построек X-XI вв. Лепная и раннегончарная керамика присутствует только в той части плато городища, которая перекрывала селище Алчедар III, на остальной части плато городища она совершенно отсутствует (Федоров 1960: 182). На всей части городища, перекрывавшей более раннее поселение, сохранялось одно и то же соотношение между древнерусской (как ее называет Г.Б.Федоров) и раннеславянской (лепная и гончарная) керамикой — 98 и 2 %. «Раннеславянская керамика встречается в Алчедарском комплексе только в нижних горизонтах, не встречается отдельно

от более поздней керамики и нигде не преобладает» (Федоров 1960: 182, 281).

На основании приведенных фактов ясно, что в создании Алчедарского комплекса — городища и посада, занимавших площадь около 100 га, не могли участвовать только носители древностей поселения Алчедар III. Присутствие нового и большого массива населения, создавшего этот комплекс, в данном случае неоспоримо. Можно было бы удовлетвориться тезисом, прозвучавшим чуть выше: присутствие лепной и раннегончарной керамики на Алчедаре служит хронологическим индикатором времени создания городища — не позднее IX в.⁶

В любом случае наличие 2% раннеславянской лепной и раннегончарной керамики на части площади Алчедарского городища (Т.В.Равдина, напомню, это отвергает) не является доказательством генетической связи между ее горизонтом и ранним горизонтом городищ. В то же время, мы отвергаем довод Т.В.Равдиной о том, что в датировке городища исключается IX в., поскольку отсутствует лепная славянская керамика и уже нет раннекруговой керамики. Он изначально основан на убеждении, что круговая керамика кольцевых городищ является генетическим продолжением развития местной керамики типа Луки-Райковецкой в регионе.

Б. Время подчинения Карпато—Днестровских земель Киевской Руси

Вопрос о времени подчинения территории современной Молдовы Киевской Руси решается исследователями на основании анализа данных письменных источников, а именно сообщений русских летописей о взаимоотношениях киевских князей и населения Поднепровья — тиверцев и уличей. Однако сведения эти столь отрывочны, скудны, неопределенны и потому допускающие различные толкования, что мнения исследователей по этому поводу давно разделились. Разброс мнений о времени подчинения — от догосударственного периода Древней Руси до 40-х гг. X в. Но, как мне кажет-

ся, только анализ упомянутых летописных сообщений мало продуктивен для решения обозначенного вопроса. Проблему подчинения уличей и тиверцев Киевской Руси необходимо решать только в контексте международной политической ситуации IX—X вв. (Рабинович 1997: 6).

Вопрос о времени подчинения летописных уличей и тиверцев киевским князьям имеет давнюю двухвековую историографию. Пристальное внимание ему уделяют и те археологи, которые напрямую связывают распространение археологических культур (Лука-Райко-

⁶ Однако необходимо, как мне кажется, обратить внимание на характер и происхождение селища Алчедар III. Керамика его не опубликована, «более или менее» закрытых комплексов, за исключением одной полуземлянки, нет. Исследователи раннеславянских древностей региона игнорируют сведения о нем. Это селище интересно ввиду следующих обстоятельств: 1) возможно с культурным горизонтом селища связаны находки ножа с волютообразным навершием и шпоры каролингского типа; 2) описание полуземлянки № 1, исследованной Г.Б.Федоровым и относящейся, по его мнению, к раннеславянскому горизонту селища Алчедар III. Стенки полуземлянки обмазаны глиной. Наземные стены сделаны из жердей, переплетенных прутьями и обмазанных глиной. В качестве отопительного сооружения использовался очаг или печь, сделанные из глины (Федоров 1960: 283). Описанный тип жилищ совершенно не характерен для региона в период VI-IX вв. Стены полуземлянки бывают обычно срубной или столбовой конструкции, отопительное устройство — печь-каменка. Описанная конструкция напоминает наземные и полуназемные сооружения, открытые и описанные Г.Б.Федоровым на городищах и посадах городищ Екимауцы и Алчедар и характерные для X-XI вв. 3) Керамика в полуземлянке 1 двух типов: круговая, хорошего качества, типично городищенская, с примесью слюды в тесте (23 фрагмента) и 10 фрагментов керамики, тоже круговой, худшего качества, но тоже с примесью слюды в тесте. (Федоров 1960: 284). Описание конструкции полуземлянки и ее инвентаря заставляет предполагать, что или полуземлянка не принадлежит горизонту селища Алчедар III, или селище Алчедар III, даже если оно и предшествовало созданию городища, не связано с горизонтом древностей культуры типа Луки-Райковецкой в регионе.

вещкая, древнерусская) в Карпато-Поднестровье с распространением власти молодой киевской государственности.

Идеи о том, что тиверцы входили в состав Руси еще в ее догосударственный период, придерживаются И.П.Русанова и Б.А.Тимошук. Они ссылаются на сообщение греческого патриарха Фотия (866 г.) о том, что Русь решилась «поднять оружие на Римскую державу» после того, как она «покорила окрестные народы», т.е. народы, жившие у границ Византии (Русанова, Тимошук 1981: 36). Заметим, к этим «окрестным народам» вряд ли можно отнести тиверцев, поскольку Византию от Нижнего Дуная в это время отделяло Первое Болгарское царство, во второй половине IX в. неуклонно усиливающееся. Да и смысловой контекст летописного сообщения 885 г. «о рати» тиверцев с князем Олегом не дает никаких оснований считать, что тиверцы ранее покорялись Киеву.

Под 885 г. летопись сообщает, что Олег уже «обладает» рядом племен, а с уличами и тиверцами «имяше рать» (ПВЛ 1950: I, 20—21). Летопись ничего не сообщает об итогах этой борьбы. Мнения исследователей на этот счет разделились. При решении вопроса, чем окончилась рать Олега с уличами и тиверцами в 885 г. они рассматривают его исключительно в контексте внутренних дел Киевского государства, забывая, что уличи и тиверцы «соседили» не только с Киевом, но и с I Болгарским царством, кочевниками Причерноморья. Рассмотрим эпизод 885 г. в контексте «международной» политической ситуации.

Политическая ситуация в регионе в этот период определялась дипломатической или вооруженной борьбой Византии с Болгарским царством и вмешательством в их борьбу кочевников — венгров и печенегов. В 30-е гг. IX в. венгры объявляются в причерноморских степях восточнее Днестра и сразу же начинают использоваться Византией против болгар на Нижнем Дунае (Продолжатель Амартола). В 80-е гг. IX в. венгры под давлением печенегов переселяются на запад в т.н. Ателькузу — степной район между Днестром, Сиретом и Нижним Дунаем (Регион, Константин Багрянородный) (История Венгрии 1971: 92—93; Шушарин 1961: 135; Константин Багрянородный 1991: 159—167). Учитывая ряд исторических обстоятельств и лингвистические изыскания, можно достаточно обоснованно предполагать, что основной район локализации венгров в Ателькузе — это область Днестровско-Дунайских земель (Трубачев 1961: 189—190; Рабинович 1997). Вслед за венграми на Нижнем Дунае объявляются и печенеги, ставшие союзниками болгар. В 896 г. печенеги своими нападениями на нижнедунайские стоянки венгров заставили последних уйти в Среднее Подунавье (История Венгрии 1971: 93—95; Константин Багрянородный 1991: 161; Шушарин 1961: 171).

О переселении венгров в Паннонию сообщают «Повесть временных лет» и венгерские источники. В отличие от русской летописи и Венгерского Анонима, другие венгерские источники — Хроника Кезаи и Иллюстрированная хроника Кальти путь венгров в Паннонию показывают через перевалы Юго-Восточных Карпат и Трансильванию (ПВЛ 1950: I, 14, 21; Шушарин 1961: 140—144, 148—149, 157). То есть часть венгерских племен, направляясь в Трансильванию, должна была пройти через земли уличей и тиверцев, скорее всего та часть, которая располагалась в Ателькузе и выступала союзником Византии в боевых действиях против болгар на нижнем Дунае.

Совершая поход против уличей и тиверцев в 885 г., Олег может быть, и добился успеха, но вряд ли смог его закрепить, поскольку с 886 (889) г. в этом районе прочно обосновываются венгры. Намек на то, что венгры покорили население Восточного Прикарпатья, содержится в известии Иллюстрированной хроники Кальти, которая как раз и «проводит» путь венгров в Паннонию через Трансильванию. После 885 г. летописи ничего не сообщают о внешнеполитической деятельности Олега. Только в 907 г. Олег идет походом на Византию, то есть только тогда, когда венгры — союзники Византии ушли за пределы Карпато-Поднестровья.

Следующее летописное сообщение о походе 907 г. Олега на Византию, в котором тиверцы приняли участие, позволяет констатировать равную вероятность подчинения или независимости тиверцев от Киева на начало X в. (ПВЛ 1950: I, 2—24). Уличи в походе не участвуют вообще. Тиверцы участвуют на правах, определяемых словом «толковины». Любая из существующих в историографии трактовок этого слова предполагает скорее добровольное участие тиверцев в походе. Анализ политической ситуации свидетельствует о независимости этого района от киевских князей. В конце IX — первой трети X в. чрезвычайно усилилось Первое Болгарское царство (РГБ 1985: 166—170). Тот факт, что южная часть Бессарабии, а, возможно, и центральная, вошли в этот период в состав Болгарии, неоспорим. Однако письменные источники даже не намекают ни на военные столкновения болгар с русскими князьями, ни на дипломатические отношения между ними, ни на общие границы. А последние неминуемо должны были возникнуть, если бы Олегу были подчинены уличи и тиверцы, жившие в Карпато-Поднестровье⁷.

Только после смерти болгарского царя Симеона (927 г.) и начала ослабления Болгарии

⁷ Вновь возникает вопрос: «В каком качестве тиверцы участвуют в походе русских в 907 г.?» Независимо от объяснения слова «толковины» думаю, что это было или добровольное участие, или подневольное, но при условии, что «нажим» на тиверцев могли оказать и Русь, и Болгария. Вряд ли можно

русские князья могли относительно спокойно заняться покорением уличей и тиверцев. Именно последующие летописные известия 940 г. (об осаде города уличей Пересечена воеводой Свенельдом) и 944 г. (об участии тиверцев в походе князя Игоря на греков) говорят о подчиненности Киеву уличей и тиверцев (НПЛ 1950: 109—110; ПВЛ 1950: I, 33—34). «Подплатежной» Киеву указана и «местность» ультинов Константином Багрянородным (Константин Багрянородный 1991: 157). Все три известия — два летописных и одно Константина — относятся к одному периоду, примерно к началу 40-х гг. X в. Можно предположить, что и уличи, и тиверцы были подчинены практически одновременно и видимо это событие не могло состояться намного ранее 940 года.

Итак, в результате двух наших экскурсов в сторону от объявленной в названии статьи главной темы мы пришли к выводам: во-первых, Карпато-Поднепровье не входило в состав Киевской Руси ранее конца 30-х гг. X в.; во-вторых, культура кольцевых городищ типа Екимавцы-Алчедар возникла в Поднепровье не по-

зднее конца IX в. и, что вероятно, даже не позднее середины IX в.

Поскольку по составу вещей и, в частности, ювелирному убору, Рэдукэнский клад полностью соответствует аналогичному набору на кольцевых городищах Екимавцы и Алчедар, происхождение дирхемов в составе комплекса из Рэдукэнь необходимо понять в рамках общего объяснения происхождения куфических монет в Карпато-Днестровском регионе, а это, после всего изложенного ранее, не представляется возможным. Совершенно логично предположение, что Рэдукэнский клад с соответствующим набором дирхемов был зарыт в период, когда культура кольцевых городищ типа Екимавцы—Алчедар в Карпато-Днестровском регионе уже возникла, но под власть Киевского государства последний еще не попал. Устранить противоречия и недоумения, изложенные в четырех пунктах ранее, на наш взгляд, может другая версия происхождения дирхемов в Молдове, не связанная с экспансией Киева на эти земли. Суть ее мы и излагаем ниже.

Балтийско-Днестровский путь

Как известно, на европейском континенте дирхемы получили широкое распространение, главным образом, в Восточной и Северной Европе, где они в течение всего IX и большей части X в. играли роль международной валюты. Уже в начале VIII в. началось активное движение по восточноевропейским, континентальным путям между Средней Азией, Передним Востоком и балтийско-скандинавскими областями, на что указывает заметное поступление арабского серебра на Балтику с этого времени. В то же время для арабских монет VII-VIII вв. характерны лишь единичные находки, которые изредка встречаются в кладах. Начало активного обращения дирхемов в Швеции и южных областях балтийского побережья относится к середине IX в. (Херрман 1986: 62, 77; Даркевич 1985: 388; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 218; Гензель 1986: 324). Ранние клады арабского серебра и находки отдельных монет первой половины IX в. наиболее показательны для восточно-балтийской зоны. Это не удивительно, ведь арабское серебро поступало в сферу балтийской торговли (в частности, на Бирку и

Готланд) через Старую Ладугу, по Волжскому пути из Передней и Средней Азии (Херрман 1986: 99). Некоторые исследователи полагают, что именно насыщенность восточноевропейского обращения куфической монетой вызвало ее усиленный транзит на запад. Называются такие цифры: примерно 60-70% поступившего на Русь серебра оставалось в денежном обращении Древней Руси, 30-40% поступало в обращение на Балтику (Даркевич 1985: 388—389; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 218). Не оспаривая этот вывод, интереснее обратить внимание на другое: различие в количестве кладов, содержащих дирхемы. В Восточной Европе их количество колеблется от 250 до 300, в то время как в балтийском регионе число кладовых комплексов превышает 1500 (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 218; Даркевич 1985: 388; Херрман 1986: 82).

Значительным было число кладов, содержащих куфические монеты, и на севере Центральной Европы, в частности, в бассейне Вислы (Гензель 1986: 324; Ко́ска—Krenz 1993). В Центральную Европу дирхемы попадали как из скандинавских центров, из районов Польского и Восточно-Германского Поморья, так и по традиционным раннесредневековым путям, связывавшим Русь с этим регионом, например, по маршрутам: Киев — Краков — Прага или более северному Гнездово — Гнезно — Бранденбург (Херрман 1986: 42, рис.17). А.В.Фомин отмечает, что мощные импульсы восточного монетного серебра на западных рубежах Древней Руси никак себя не проявили в 60-70-е гг. IX в. Тем

отказаться от подозрений, что поход Олега на Царьград в 907 г. и, главное, заключение и проведение в жизнь условий русско-византийского договора, проходившие между двумя победоносными для Симеона болгаро-византийскими войнами, могло бы осуществиться без болгаро-русского «согласия» по этому поводу. В этой связи интересно предположение М.Н.Тихомирова, что Олег участвовал в походе царя Симеона на Константинополь в 922 г. (Тихомиров 1947: 143).

ценнее его наблюдение по поводу того, что «на рубеже IX и X вв. в междуречье Припяти, Буга и Вислы, на ключевом отрезке пути из Руси в Центральную Европу, наблюдалась неожиданная концентрация кладов с дирхемами, ранее отсутствовавших в этой области» (Фомин 1993: 78). А.В.Фомин объясняет активную торговлю серебром, как и вообще усиливающуюся международную торговлю с западом в этот период деятельностью киевского князя Олега. Независимо от причин появления кладов с дирхемами в междуречье Вислы, Буга и Припяти в конце IX в., с ними видимо, можно связать и появление Рэдукэнского клада в Запрутской Молдове. Собственно концентрированное появление единичных находок дирхемов на городищах Екимауцы и Алчедар также может быть связано с обилием кладов, содержащих дирхемы, в бассейне Вислы. Таким образом, вновь встает вопрос о времени начала функционирования Днестровского торгового пути (Новикова 1990; Рабинович 1997).

Далеко не только данные нумизматики позволяют ставить вопрос о функционировании Днестровского торгового пути для периода IX—X вв. Днестр являлся важной составной частью так называемого второго пути «из варяг в греки» (Черное море — Днестр — верховья Западного Буга — Висла — Балтийское море), связывавшего Карпато-Днестровские земли с Северной и Западной Европой. Об этом могут свидетельствовать данные по металлургическому производству и ювелирному ремеслу.

Металлургия. Масштабы металлургического производства в Карпато-Поднестровье в период IX—X вв. были настолько велики, что даже не укладываются в рамки привычного восприятия. Практически на всех памятниках, подвергнутых раскопкам, обнаружены следы мощного железодельного производства, на многих из них выявлены остатки десятков сооружений для получения железа. Металлургия была основным занятием не только жителей городищ и окружающих их селищ, но и неукрепленных селищ практически на всей изучаемой территории. На выплавке металла в IX-X вв. специализировалась вся область северной и центральной части Молдовы, вероятно находившаяся в системе кооперирования с окружающими территориями. На мысль о кооперировании наталкивает не только несоответствие масштабов металлопроизводства и незначительного количества железного инвентаря на рядовых производственных поселениях, но и вопрос о сырье. Для таких масштабов производства необходима в большом количестве железная руда — сырье почти «экзотическое» для Молдовы (Рабинович 1997: 12)

Имеются три возможных пути для поступления сырья (Рафалович 1972: 178). 1. Привозная руда с месторождений в Карпатах и на

Верхнем Днестре. В пользу такого объяснения говорят крупные запасы железной руды, найденные на поселениях и сам масштаб выплавки железа. 2. Использование местных болотных руд. Небольшое количество болотной руды было найдено на селище Лимбарь. Однако геологи отрицают возможность существования в Молдове сколько-нибудь значительных запасов болотной руды. 3. Использование железистых включений, встречающихся в виде желваков в лессовидных суглинках на севере республики. Добыча их была бы слишком трудоемкой и невыгодной. Таким образом, первый способ поступления железной руды в регион — привозная руда — наиболее вероятен, в связи с чем роль Днестра как торговой артерии выступает четко и бесспорно.

Ювелирное ремесло. В Карпато-Поднестровье в IX-X вв. выделяется яркостью ювелирный убор серебряных тисненых изделий с зернью — серьги, лунницы, круглые медальоны, бусины и т.д. Полный набор этих украшений в Карпато-Поднестровье представлен только в кладе Рэдукэнь и на памятниках типа Екимауцы—Алчедар, на которых они и производились (Федоров 1953; Рабинович, Рябцева 1997). Для этих памятников характерны «волынские» («екимауцкие») серьги типа «С» по типологии С.С.Рябцевой. За пределами Карпато-Днестровских земель насыщенность серег типа «С» наблюдается в двух регионах: в Польше и на Балканах. На Балканах эти украшения встречаются преимущественно в могильниках и на поселениях (Jugić 1996)⁸, а в Польше их находят только в кладах (последних не менее 22-х) «рубленого серебра» по течению Вислы (Кошка—Krenz 1993). Можно предположить, что часть серег из Екимауц в целом или фрагментированном виде отправлялась по Днестру вверх, достигала устья Вислы (Новикова 1990; Рабинович, Рябцева 1997).

Учитывая, что именно Екимауцы были центром производства серег типа «С», которые встречаются в кладах «рубленого серебра» по Висле на пути к Балтийскому морю, можно предположить: проникновение дирхемов в Карпато-Поднестровье связано с функционированием Днестровского пути. Тогда становится понятным присутствие дирхемов только на памятниках типа Екимауцы—Алчедар в этом регионе, то есть только на тех памятниках, где и найдены серьги типа «С». Большая доля пробитых монет среди них, их фрагментированность заставляет сомневаться, что их основная роль — использование в качестве средств об-

⁸ С районом Западных Балкан, где были распространены серьги типа «С», и связывается автором гипотеза о миграции населения, оставившего в Карпато-Днестровских землях яркую и выразительную культуру кольцевых городищ типа Екимауцы—Алчедар (Рабинович 1997).

ращения и платежа. Учитывая масштабы ювелирного производства на Екимауцах, а также составы кладов «рубленого серебра» на Висле, наиболее вероятно предположение, что дирхемы на памятниках Екимауцы использовались только в качестве сырья для местного ювелирного производства. Серебро для Молдовы — сырье еще более экзотическое, чем железная руда. К тому же исследования в других регионах показали, что арабское монетное серебро служило сырьем для изготовления украшений (Херрман 1986: 82). Возможно, завоевание Киевской Русью Карпато-Днестровских земель внесло свои коррективы в характер поступления сюда куфических монет. Достаточно реально предположение, что как раз после этого они сюда больше и не поступали.

У читателя, конечно же, может возникнуть вопрос: а как же «подольская версия» А.А.Нудельмана? Ведь на Подолье все же найдены три клада, содержащие дирхемы и синхронизирующиеся по датировке с екимауцкими дирхемами. На наш взгляд возможно следующее объяснение. Судя по распространению специфических для памятников типа Екимауц элементов материальной культуры кольцевых городищ — фортификации, керамики со слюдой, височных украшений типа «С», погребальной обрядности — ареал этой культуры, помимо молдавского Поднестровья, охватывал и соседние восточные области Буковины (Хотинскую возвышенность), и бассейн среднего течения Южного Буга — области расселения летописных тиверцев (Рабинович 1997: 11-13, 15-16). В частности, один из кладов — Копиевский, — помимо дирхемов содержал огромное количество серег типа «С» (22 из 27), больше чем какой-либо другой клад вообще (Лінка-Геппенер

1948; Корзухина 1954; Новикова 1990; Рабинович, Рябцева 1997)⁹.

И, видимо, происхождение куфических монет в Карпато-Днестровских землях не имеет отношения к вхождению этой территории в состав Киевской Руси, имевшим место в конце 30-х гг. X в. Культурно-исторический контекст дирхемов в Молдове связан исключительно с памятниками специфической материальной культуры кольцевых городищ типа Екимауцы—Алчедар, пришедшей и не имеющей корней в этом регионе, возможно, принадлежавшей мигрировавшему сюда с Балкан не позднее конца IX в. населению — летописным тиверцам. Дирхемы поступали в Молдову по Днестру — важной составной части так называемого второго пути «из варяг в греки» (Черное море — Днестр — верховья Западного Буга — Висла — Балтийское море), связывавшего Карпато-Днестровские земли с Северной и Западной Европой. Дирхемы в Молдове не использовались в качестве средств обращения и платежа. Они поступали сюда как сырье для местного ювелирного производства серебряных тисненых украшений, в частности, серег типа «С» (по типологии «волынских» серег С.С.Рябцевой). Частично, готовые украшения по этому же пути переправлялись на север, по направлению к Южной Балтике, что иллюстрируется концентрацией серег типа «С» в 22-х кладах «рубленого серебра» в бассейне Вислы. Вероятно, что дирхемы поступали в Молдову именно с этой территории, то есть осуществлялся обмен сырья на готовую продукцию. Возможно, распространение власти киевских князей на территорию Поднестровья внесло свои коррективы в сложившийся порядок поступления сюда дирхемов, что сказалось негативно на поступлении в этот регион восточного монетного серебра.

ЛИТЕРАТУРА

- Богуславский О.И. 1991. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX-XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., с.99-114.
- Гензель В. 1986. Культура и искусство Польского Поморья в эпоху раннего средневековья (VII-XI вв.) // Славяне и скандинавы. М., с.313-338.
- ДКМ 1974 — Древняя культура Молдавии. Кишинев.
- Даркевич В.П. 1985. Восточная торговля // Древняя Русь. Город. Замок. Село. — Археология СССР. М., Наука, с.388-391
- История Венгрии. 1971. В 3-х тт. Т.1. М. 644 с.
- Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III—VI вв.) // ПАВ, 7, с.113—121.
- Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып.1. Мечи и сабли IX-XIII вв. САИ Е1-36, М.-Л., 176 с.
- Кирпичников А.Н. 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. САИ Е1—36, М.-Л., 146 с.
- Кирпичников А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. САИ Е1—36, Л., 140 с.
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. 1986. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы. М., с.189-298.
- Колчин Б.А. 1982. Хронология новгородских древностей. // Новгородский сборник. М., с. 156-177.
- Константин Багрянородный. 1991. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Изд.2. М., 496 с.
- Корзухина Г.Ф. 1954. Русские клады IX-XIII вв. М.-Л.
- Котляр М.Ф. 1971. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ. 175 с.
- Лесман Ю.М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л., с.118-153.
- Лінка-Геппенер Н. 1948. Копіївський скарб // Археологія, II, Київ, с.182-191.
- Ляпушкин И.И. 1968. Славяне Восточной Европы на

⁹ К сожалению, Н.Ф.Котляр, отметив три указанных клада на карте, раскодировал в указателе название местонахождения только одного из них — Копиевского (Котляр 1971: 170, карта 1).

- кануне образования Древнерусского государства (VIII-первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. МИА СССР, 152, Л., 192 с.
- Медведев А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. САИ Е1-36, М., 183 с.
- НПЛ 1950 — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. 1950. М.-Л., 651 с.
- Новикова Е.Ю. 1990. О серьгах «екимауцкого типа» // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Тр.ГИМ, 74, с.107-117.
- Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет. АКМ, вып.8. Кишинев, 196 с.
- Нудельман А.А. 1985. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства). Кишинев, 183 с.
- ПВЛ 1950 — «Повесть временных лет». 1950. Ч.1, II. Подготовка текста, статьи и комментарии Д.С.Лихачева. М.-Л.
- Рабинович Р.А. 1997. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX — первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 18 с.
- Рабинович Р.А., Рябцева С.С. 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X-XI вв. // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев, с. 236-245.
- Равдина Т.В. 1988. О датировке городища Алчедар. // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, с.54-71.
- Раннефеодальные государства на Балканах VI-XII вв. 1985. М., 364 с.
- Рафалович И.А. 1972. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев, 244 с.
- Русанова И.П., Тимошук Б.А. 1981. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 144 с.
- Рябцева С.С. 1999. «Близнецы» или «двойники». О сходстве и отличии волынских и прикамских серег. // Stratum Plus, No 5.
- Тихомиров М.Н. 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., с.125-201.
- Травкин С.Н. 1995. Монеты на территории Бессарабии в эпоху средневековья (из истории денежного обращения Юго-Восточной Европы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 17 с.
- Трубачев О.Н. 1961. О племенном названии «уличи». // ВСЯ, вып.5, с.186-190.
- Фехнер М.В. 1967. Шейные гривны. // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Тр.ГИМ, 43, с.55-87.
- Федоров Г.Б. 1952. Тиверцы // ВДИ, 2, с.250-269.
- Федоров Г.Б. 1953. Городище Екимауцы. // КСИИМК, 50, с.104-126.
- Федоров Г.Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. - МИА, 89, М., 380 с.
- Федоров Г.Б. 1960а. Работы Прутско-Днестровской экспедиции 1957 г. // КСИИМК, 81, с.38-42.
- Федоров Г.Б. 1968. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. // КСИИМК, 113, с.85-93.
- Федоров Г.Б. 1974. Население Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная в конце I и начале II тысячелетия н.э. — Рукопись. Хранится в библиотеке Высшей Антропологической Школы (Кишинев, Молдова).
- Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Памятники древних славян (VI—XIII вв.). АКМ, вып. 6, Кишинев, 136 с.
- Фомин А.В. 1993. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX — начала X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т.Пашуто. М., с.78-79.
- Херрман Й. 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. // Славяне и скандинавы. М., с.8-129.
- Шушарин В.П. 1961. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., с.131-180.
- Horedt K. 1958. Contribuții la istoria Transilvaniei în secolele VI—XIII. București.
- Hruby V. 1955. Stare Mesto. Velkomoravske pohrebiste «Na Valach». Praha.
- Jurić R. 1986. Srednjovjekovni nakit Istre i Dalmacije. // Izdanja Hrvatskog arheoloskog drustva, 11/2, s. 245-289.
- Kočka-Krenz H. 1993. Bizuteria Północno-Zachodnio-Słowiańska we wczesnym średniowieczu. Poznań, 342 s.
- Petrescu-Dîmbovița M., Teodor D.Gh. 1987. Sisteme de fortificații medievale timpurii la est de Carpați. Așezarea de la Fundu Herței (jud. Botoșani). Iași, 148 p.
- Šoš A. 1963. Das Frühmittelalterliche Graberfeld von Keszthely-Fenekpyszta // AAH, XIII, 1-4.
- Spinei V. 1985. Realități etnice și politice în Moldova Meridională în secolele X-XIII. Români și turanici. Iași, 238 p.
- Spinei V. 1986. Moldova in the 10th-14th Centuries. București, 277 p.
- Teodor D.Gh. 1978. Teritoriul Est-Carpatic în veacurile V-XI e.n. Iași, 223 p.
- Teodor D.Gh. 1980. Tezaurul de la Răducăneni-Iași. // SCIVA, 31, 3, p.403-423.